

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Во Всемирном клубе одесситов благодаря поддержке члена клуба Евгения Деменка начал работать клуб молодых литераторов. Знакомим читателей газеты с творчеством нескольких членов нового клуба.

Марина МАРТЮШЕВА

Паралельний світ

Я живу в паралельному світі,
Там, де проліски в січні цвітуть,
Де промінням ранковим сповита
Неосяжна неходжена путь.

Я живу в паралельному небі,
Там, де я не зустріну землі,
Тільки хвили здіймають на гребінь
Нескоренні мої кораблі.

Я живу в паралельному щасті,
Що живе в паралельних світах,

Де життя необачно розп'ясти
Неможливо в бездушних словах.

Я живу в паралелі любові;
Перетину у неї нема
З тим земним і загубленим словом.
І, здавалося, майже дарма

Намагалася я перетнути
Ті дороги, що час дарував
Не мені. Тільки важко забути,
Тільки важко прожити без прав.

Знаю, інколи все неможливе
Може бути. Безмежність пустель...
З паралеллю — коханням щасливим —
Перетнулася моя паралель.

Георгий РЯБОЙ

Чувство съеденного человека

Вам оно непременно знакомо. Оно владеет вами, когда вы получаете паспорт, когда празднуете свой день рождения, когда ежедневно заходите в общественный транспорт. Его слащавый голос властно обнимает душу:

— Поздравляю. Вы съедены. Вписаны в нормы, формы и планы. Вы подавлены собственным бессмысленно потраченным временем.

Временем?
Судьбоносная (а скорее — роковая) роль колеса в жизни человека. Тысячи тысяч живых и умерших изнутри переворачивают его, и с грохотом просыпающегося города, стуком печатей, звоном колокольчиков... Вот оно! Катится и находит новую живую силу.

В раскаленном сознанием лучах заходящего солнца я вижу первое колесо. Я не чувствовал Его при рождении — тогда оно раздавило других, но со временем я сам оказывался уничтоженным Его мощью.

— Поздравляю, вы стали крестным сыном... Поздравляю, вы перестали быть правнуком... Поздравляю, вы стали дядей... Поздравляю, вы нашли друга... Поздравляю, вы нашли второго друга... Поздравляю, вы влюбились... Поздравляю, вам отказали (= Поздравляю, вы нашли подружку...). Поздравляю, вы съедены.

Я съеден колесом истории моего рода.
Имя второго колеса — государство. Я никогда не был знаком с государством, но и его я узнаю по душевной атмосфере холода, веющей от дверей кабинетов чиновников. Чиновник — профессия, а не черта характера. Мне приходилось общаться и с добрыми благожелательными государственными служащими. Но даже если эта девочка с нежно-голубыми и веселыми глазами наконец-то закрывает потолокстелю папку с Твоим делом, по одной ее улыбке понимаешь:

— Поздравляю. Вы съедены.
Я прихожу домой с новой бумажкой. Добавляю ее к сотне других "жизненно важных". Где бы я был без них? На улице, в пехоте, в грубу?.. А я — живой, и радуюсь жизни, жмурюсь от солнца!

Я съеден колесом истории моего государства.
Чем дальше я ухожу от моря, тем громче металлический грохот третьего колеса — суеты. Оно заглушает мои мысли и чувства; от Его неусыпного "Делай!" меня ежесекундно разбрасывает на сотни частей в десяти местах одновременно. И тогда я в вопле возмущения изрекаю Слово.

Колесо суеты:
— Так вы еще и говорить умеете? Поздравляю. Вы съедены.
Я вырежу свои мысли, спроецированные на лист газетной бумаги суетным стремлением к вечности, и вставлю их в золотую рамку. Повешу на стене — как повод для гордости первому колесу.
Но ведь это — не жизнь...

А она, настоящая, где-то рядом, в тебе, вне тебя, но Ты ее не видишь. Она есть, я знаю, чувствую и...

В порыве остановить колесо времени я бросаю под него то, на что хватило сил моей душе, — молитву, стихи, песню.

— У вас есть Святыня? Поздравляю. Она пропрана. Вы съедены.
Я съеден колесом истории жизненной суеты.

Три колеса истории, три силы, три демона моего сознания. Они существуют лишь настолько, насколько я наделяю их смыслом. Их нет вне меня. Покорные моей воле, они отступают, исчезают, растворяются в полночном тумане, которым были рождены.

Я — человек. Как это мало. Насколько я бессилен перед созданиями моими. Вы возразите мне: "Но ведь и ты — создание...".
Я — человек. Как это много.

Валерия РЕПИНА

Я смотрела на небо
и не видела звезды,
Я стирала печали
черным ластиком ночи,
И для новых надежд
слишком глупо и поздно,
Раньше был только ты,
раньше не было прочих.
Все смывает дождем,
словно пыль на асфальте,
И дома замирают, одетые в сырость.
Выбирала любовь,
словно новое платье,
Выбирала, как будто на завтра,
на вырост.
Свечи жгла, улыбалась,
чтоб просто присниться,
Чтобы стало все сразу
светлее и проще,
Засыпала сама,
сон был пуст и заброшен,
Как осенний трамвай, в ночь 11.30.

Мягкой поступью ночь по улице,
Заползает змеєю в ставни,
Не обмолвится, не оступится,
Сны бросая, как в воду камни.

Темнотой переулки давятся,
Листья шепчут о чем-то важном.
Пусть не нравится, ночь останется,
Растворится сегодня в каждом...

Нереальность происходящего
Мыслями бьет в висок,
Я понимаю, сейчас у неспящего
Больше шансов проснуться в срок.

В темноту. Опустив ресницы,
Ускользая от камер слежения,
У себя втихаря отпроситься
На свой собственный
день рождения.

Затеряться в холодных буднях,
Чтоб толпой, как в снегах занесло,
Я не знаю, что завтра будет,
Если завтра давно прошло.

Алена ЩЕРБАКОВА

Ситар

Душа как кочевник —
ей мало безветренной плоти,
Пасти пустыни и невесомости моря.

Колчан ситара звуком налит и плотен
Пружиной огненных стрел,
раскрученных в моно.

Ты сам на луче, на пределе,
протянутом в пропасть
Космических степей, так высоко взлетая,

Как из себя не выпасть и не растаять,
Как на летящем луче
удержаться... — образ

Вечности в диком нежном сердце ситара,
Как золотая точка на красном фоне —

Звучит неместимо,
ошеломленьем одарит,
Схватит, как заклинание: *Cante Hondo**.

Ловцы отражений, отсветов,
как пришельцы
Из формулы — в поле безвременья,
только шелест

Нам согреть в ладонях, шок совпадений
И шелк паденья —
обратный отсчет предела.

* *Cante Hondo* — на древнем языке
Глубинная Песнь

Юлия МЕЛЬНИК

Зачем

спешу я

спешу я

отвечать?..

В зимнем дне —
намеки на весну,
Еле слышные,
как снег — сквозные...
Веткой вздрогнут,
синькою блеснут,
Превратятся
в птичьих позывные...

Пробирается на ощупь
день,
Натыкаясь
на седые вещи...
По колено
в тающей воде —
Словно желторотик —
ворон вещей...

И забыв — куда, зачем,
к кому, —
Я снимаю шубу
в коридоре
И гляжу
в захлопанную тьму,
Пахнущую йодом,
словно море...

Часы, наверное, спешат,
Когда слова
неосторожны...
Куда вернее — снегопад,
Что медленные хлопья
крошит.

Сверюсь с ним —
верней молчать,
Сплетаться с ним —
как с веткой ветка.
Зачем спешу я отвечать,
Когда сама —
ищу ответа...

Если пуститься
не в свой путь,
Все убыстряя
упрямый шаг,
Будет один из ветров —
дуть,
Но не попутный, а так —
сквозняк...

Как не спешу —
он в лицо, вкось,
Как не проси —
он сырой, злой...
А на углах:
"Обожди. Брось..."
Будет чуть слышно
шептать — мой.

Елена МИЛЕНТИ

У бочки были выпуклы бока,
И сумрак сиреневым окутан
Был каждый обруч. Трепетно века
Неслись над полем выгоревшим, скудным.

Дышала бочка плавно и легко,
Она хранила мысли Диогена...
Вода, похожая на жидкое стекло,
В ее плену дремала, как морена.

И там, где обрывался горизонт,
И в землю лезвием врезался вертикально,
Волнообразно колыбался перезвон
Сухой травы над сопкой безымянной.

А ветер нес забвенью и покой
Веков, забывших всех своих героев,
И в землю бочка проросла слезой,
Обкатанной доской ковчега Ноя.

Ветвей графический рисунок
Как никогда сегодня четок.

И солнце черпает из лунок
Останки снега — рыхлый хлопок.
Земля парит, и деловито
Шагает ворон вдоль посадки,
И льется небо через сито
Ветвей на вспаханные грядки.
Зима еще — по всем канонам,
Но как-то дышится свободней,
И рвут лазурь акаций кроны,
И небо кажется бездонней.
По улыбающимся лужам,
Срывая пласт хрустящей корки,
Монетой новой солнце кружит,
С зенита скатываясь горки.

Лилия ПЕТРИКЕВИЧ

Без названия

Когда сидишь в уютном кафе за чашкой терпкого зеленого чая в компании незадачливого, но славного молодого человека, то в голову могут прийти самые неожиданные мысли. Особенно если в который раз слышишь все тот же вопрос:

— Почему я так тебя обожаю?!

— Тогда женись на мне.

— ???

— Я хочу замуж, ты меня любишь, в общем, я подумала, что нам надо пожениться.

— Да...

— Что-то я не вижу твоего восторга.

— Прости, я... не ожидал, что все так скоро получится, то есть, конечно, я всегда знал, что это произойдет, но все равно... Неожиданно.

Честно говоря, я тоже большой радости не испытываю. Но не расстраиваюсь по этому поводу. Чем сильнее восторг, тем горче неминуемое отрезвление.

— Я тоже волнуюсь, давно никому не предлагала на мне жениться.

А вот это ложь, предлагала, и очень настойчиво, жаль только, что совершенно безрезультатно.

— Столько надо будет сделать, мы все должны обсудить, я еще не могу себе представить...

— Что?

— Нас с тобой.

— Ты не хочешь на мне жениться? Так бы и сказал.

— Ты же знаешь, что только этого я и хочу с тех пор, как тебя встретил.

Я не сомневалась в таком ответе. Ведь каждый мужчина понимает, что конкуренты не дремлют, а девушка — существо капризное и непостоянное. Другой возможности меня заполучить может ведь и не представиться.

— Тогда давай поговорим о нашем светлом совместном будущем. Где мы будем жить?

— Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Я не говорил тебе, что купил квартиру, думал сделать сюрприз. Хотел отремонтировать ее и показать в самом лучшем виде, но раз уж вопрос встал так остро, поехали, посмотрим?

Насчет незадачливого я, похоже, погорячилась.

Подозрительно знакомый маршрут. Только не говори, что мы сейчас свернем на эту улицу...

Да... А теперь не сюда ли? Ох... Как некстати всплывает старательно забываемое прошлое,

словно приоткрывается наглухо заколоченная дверь в самый запретный лабиринт сознания.

— Проходи. Я совсем недавно ее купил, так что не успел выбросить хлам, оставленный прежними хозяевами. Не знаю только, как быть с картинами. Они мне нравятся.

Хлипкая дверь распахнута настезь, и я врываюсь в мою картинную галерею, воскресшую так неожиданно и властно.

Изысканные, загадочные темно-рубиновые этюды! Наши первые встречи, с болью и страстью выписанные под тягучую мелодию томления.

Легкие прозрачные акварели, восторженные, как Твоя музыка, изящные мелодии скрипки. Открытые окна в летние сумерки, зажигающиеся в домах огни, нежный ветер, треплющий волосы, и вечная неуемная молодость.

Строгие четкие гравюры, старательно продуманные с бесконечной терпеливостью. Кропотливый ежедневный труд, выполняемый вдохновенно, и потому приводящий к безликости усталости.

Застывший мир, прекрасный, но — увы — безнадежно иллюзорный.

Поворачиваюсь, быстро иду к выходу. Запираю дверь уже нет необходимости.

— По-моему, они обветшали. Надо их снять.

Может быть, я напишу другие.